

Цикл «Небесная музыка»

Небесная музыка. Луна

Небесная музыка. Солнце

Цикл «Музыкальный приворот»

Музыкальный приворот

По ту сторону отражения

На волнах оригами

На крыльях

Его фанатка

Только с тобой. Антифанатка

Цикл «Мой идеальный смерч»

Мой идеальный смерч

Игра с огнем

За руку с ветром

Цикл «Северная корона»

По звездам

Против ветра

Цикл «Мы — искры»

Белые искры снега

Красные искры света

Волшебные искры солнца

Горящие искры сердца

Цикл «Сны и страх»

Кошмарных снов, любимая

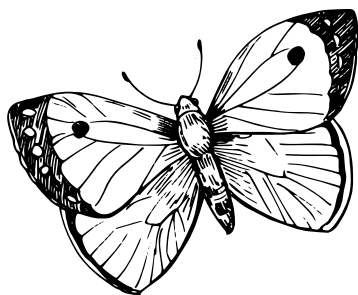
Твой страх самый сладкий

Художник Анна Крымова

АННА ДЖЕЙН

ПО ТУ СТОРОНУ
ОТРАЖЕНИЯ
МУЗЫКАЛЬНЫЙ ПРИВОРОТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д40

Джейн, Анна.

Д40 По ту сторону отражения. Музыкальный приворот /
Анна Джейн. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 640 с.

ISBN 978-5-17-170141-3 (Романтические миры)

ISBN 978-5-17-168624-6 (Мир нежности)

ISBN 978-5-17-137089-3 (Джейн Анна: мир любви)

Любовные привороты сродни любовному суррогату и вряд ли смогут заменить настоящие чувства. Так считала раньше главная героиня. Привороты, с помощью которых желаешь влюбить в себя не кого-нибудь, а известного рок-музыканта, приводят к одним лишь глупостям, странным ситуациям и даже к слезам. Так Катрина стала считать после эксперимента своей лучшей подруги. А теперь она вообще не думает о приворотах — сейчас Катрине очень хотелось бы разобраться в себе и понять, кого она любит: нежного и странного или скверного и знаменитого? А может быть, она любит их обоих или... одного и того же человека? И что ему (или все же им?) нужно от нее?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

16+

*Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым*

Анна Джейн
ПО ТУ СТОРОНУ ОТРАЖЕНИЯ.
МУЗЫКАЛЬНЫЙ ПРИВОРОТ

Ведущий редактор А. Аксенова. Корректоры Н. Хотинский, Д. Камышенкова
Технический редактор Н. Чернышева. Дизайн обложки Ales, Е. Климова Верстка А. Грених

Подписано в печать 24.10.2025. Формат 84х108/32. Усл. печ. л. 33.6.

Печать офсетная. Гарнитура Warnock Pro. Бумага типографская

Доп. тираж экз. Заказ № (Романтические миры)

Доп. тираж экз. Заказ № (Мир нежности)

Доп. тираж экз. Заказ № (Джейн Анна: мир любви)

Произведено в Российской Федерации. Изготовлено в 2026 г.

Оригинал-макет подготовлен редакцией «Времена. Альфа»

Изготовитель: ООО «Издательство АСТ»

129085, Российская Федерация, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, стр. 1,

комн. 705, пом. I, этаж 7

Наш электронный адрес: WWW.AST.RU · E-mail: ask@ast.ru.

Общероссийский классификатор продукции ОК-034-2014

(КПЕС 2008); 58.11.1 — книги, брошюры

«Баспа Аста» деген ООО

129085, г. Мәскеу, Жұлдызды гүлзар, д. 21, 1 құрылым, 705 бөлме, пом. 1, 7-қабат

Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru. E-mail: ask@ast.ru

Интернет-магазин: www.book24.kz. Интернет-дукен: www.book24.kz

Импортёр в Республику Казахстан и Представитель

по приему претензий в Республике Казахстан — ТОО РДЦ Алматы, г. Алматы.

Қазақстан Республикасына импорттаушы және Қазақстан Республикасын-

да наразылықтарды қабылдау бойынша өкіл — «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алма-

ты қ., Домбровский көш., 3«а», Б. литері офис 1. Тел.: 8(727) 2 51 59 90, 91,

факс: 8 (727) 251 59 92 ішкі 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz, www.book24.kz Тауар

белгісі: «АСТ» Өндірілген жылы: 2026. Өнімнің жарамдылық; мерзімі шектелмеген.

ISBN 978-5-17-170141-3 (Романтические миры)
ISBN 978-5-17-168624-6 (Мир нежности)
ISBN 978-5-17-137089-3 (Джейн Анна: мир любви)

© Анна Джейн, текст
© ООО «Издательство АСТ»

ГЛАВА 1

5

Что это?

Это не может быть шуткой?

Или это сон? Я сплю? Снится кошмар?

Нет, ногти с положенной для реальности болью впи-
ваются в ладони — значит, я не в объятиях Морфея.
Я нахожусь в реальной комнате, принадлежащей реаль-
ному человеку. Только вот какому человеку? И реаль-
ному ли... для меня?

Неужели?.. Антон — это и есть Кей?..

Я хотела ответить на этот вопрос, по-настоящему
хотела, но не могла поверить в ответ, который срывал-
ся с моих полуоткрытых губ, вдруг ставших холодными,
как лед Антарктиды.

События, происходящие со мной в последнее вре-
мя, превратившись в гигантских полупрозрачных птиц
с кривыми когтями и загнутыми клювами, кружили
вокруг, касаясь мощными и невесомыми одновремен-
но крыльями моих щек, лба, рук, — и от этого по коже,
сливаясь с мурашками, бежали искры холода, недоуме-
ния, страха и... ненависти.

Он просто тварь.

Но это не может быть правдой! Мало ли таких укра-
шений продается? А то, что эти парни похожи, — это
ведь... это ведь тоже можно объяснить? Или нет?

Нет.

**Животное. Возомнил себя мастером игр с людь-
ми, мразь?**

Что-то темное, бескрайнее и тяжелое просыпалось
во мне, и я понимала, что могу управлять этой злостью,

но не хочу. Я не хочу, чтобы это гадкое, черное по цвету ощущение оставалось во мне, отравляя душу так же, как гематический яд травит и загрязняет кровь. Пусть оно выйдет наружу и перестанет расpirать меня изнутри своей страшной силой.

В светло-васильковом бескрайнем небе, раздвигая испуганные белоснежные облачка, появилась огромная мутно-серая туча, отливающая то сталью, то свинцом. Мое небо темнело, и все вокруг темнело вместе с ним — даже контуры в полутемной комнате стали размываться, а реальность переставала мною четко осознаваться — над ней колдовали все те же захлебнувшиеся в своем злобном торжестве птицы.

Мразь, просто мразь...

«Если ты чувствуешь, что реальность никак не входит в твою голову как единое целое, представь, что ты находишься не в своем теле, а зришь на все происходящее сверху, как будто ты на несколько минут покинула его. Посмотри сверху на себя и на то, что окружает тебя. Оглядиись внимательно, перемести взгляд. Ты почувствуешь себя спокойнее и, вероятно, сможешь найти решение той проблемы, что не дает тебе покоя». Так сказал мне однажды Томас. Это было давно, но, казалось, эти его слова прозвучали только что, над самым ухом. Тогда, когда я впервые услышала этот совет, мне тоже было плохо — все несчастья мира, так тогда казалось мне, шестнадцатилетней, навалились на мои плечи, как огромный снежный ком. И тогда, как и сейчас, я ощущала себя обманутой и преданной теми, кто занимал в моем небольшом сердце важные места. Раньше я не вспоминала этих слов, но сейчас, когда я не знала, что думать и что делать, они вновь всплыли в памяти.

Ублюдох...

Я, пытаюсь унять бешеный стук растревоженного, словно пчелиный улей, сердца, прикрыла глаза. Последую совету отца, все равно я сейчас не знаю, что делать.

А смотреть сверху было действительно легче, чем пытаться оценить проблему своими глазами. Посреди размытой серой комнаты виднелись очертания женской фигуры, нерешительно застывшей, словно статую средней руки мастера, мечтающего стать именитым скульптором. Широко раскрытые темные глаза, забывающие моргать и всматривающиеся в жутко интересную

точку на двери, приоткрытые губы, не хватающие воздух и не дрожащие, — окаменевшие, бессильные пальцы слабых рук, так и не сумевшие взять голубой кулон с пола, странная гримаса удивления, смешанного с непониманием и обидой, на бледном лице.

Ну и что же случилось с этой девушкой, вокруг которой тускло сияют меланхолично-голубая Грусть и светло-серое Разочарование, взявшиеся за руки, как лучшие друзья? Что же произошло с той, под ногами которой валяется, беспомощно раскинув тонкие девичьи руки, мертвая Надежда, постепенно превращающаяся в бесформенную пустоту, словно подтверждая слова Леонардо да Винчи: «Там, где умирает надежда, там возникает пустота»? Что приключилось с той, над чьей головой вьется в пепельно-стальной дымке безграничное Удивление, уже готовое вот-вот уступить место пурпурной Ярости, злорадно потирающей руки в сторонке, — ей очень хочется управлять разумом девушки, и она ждет подходящего случая, чтобы занять ее обездвиженное накатом эмоций тело.

Комната то медленно, то быстро вертелась вокруг темноволосой, касаясь своими контурами ее тела, и в ней, в этой нелепой статуе, я с большим трудом узнала себя.

Моя голова тоже кружилась, вслед за бесконечным движением комнаты, в котором, теперь как украшения-портреты, мелькали лица, столь похожие и одновременно столь разные. Два таких разных блондина, которым принадлежит один кулон с топазом, смотрели на меня со всех сторон. Один — мягко. Второй — надменно.

Какая же глупая Катя.

Я закрыла лицо руками, и все остановилось. Встало на свои места и неприветливо замерло.

Антон и Кей — одно и то же лицо? Нежный, заботливый Антон, косвенный виновник того, что я вновь знакома с ласковыми крылышками бабочек, и проклятый эгоист, которого давно уже ждет собственный котел в аду за высокомерие и дерзость?

Значит, ты — один человек? Ты решил поиграть со мной в понятную только тебе одному игру?

Я яростно сжала кулаки — это стало моим первым движением, — чувствуя, как ногти все сильнее и сильнее впиваются в ладони.

Его нужно убить. Зарезать, утопить, повесить, линчевать!

Мерзавец. Его определенно будут с особым нетерпением ждать в аду. Или уже ожидают. Даже не знаю, в каком только круге: в восьмом или девятом? В восьмом обитают обманувшие недоверившихся, в том числе и лицемеры — такие как он, Кей-Антон. А в девятом мучаются обманувшие доверившихся, те же предатели, — и это самый близкий круг к Люциферу. Но предал ли меня Антон... Кей?

Да, предал! Поразвлекался.

Если это правда, если это действительно правда, то они все над тобой смеялись. Антон-Кей, Келла, Арин, Алина, их дружки. Все они знали, и только ты одна...

Да, только я одна не знала ничего. Наивно предполагала, что нравлюсь одному... или даже двоим парням. Святая простота Катрина. А нет ли среди святых и мучеников святой Катрины?

Не знаю.

Я резко открыла глаза, чувствуя, как злость переполняет меня, — огромная туча наливалась чернотой, заполняя все пространство неба, опровергая утверждение, что небеса — штука бескрайняя. Перед глазами замелькали обрывки полупрозрачного тумана. Что это со мной?

«Я его убью, я его убью, я его убью», — вот что пульсировало у меня в голове. Потом вместо этой незамысловатой фразы появилась другая: «За что? Что я ему сделала? Почему я?»

Меня разом лишили мечты найти того единственного, о котором мечтает каждая из девушек в юном и не очень юном возрасте. Взяли и неожиданно отняли возможность быть немного счастливой. Грубо, жестоко, с противной саркастической улыбочкой на смазливом лице, на которое клевало множество рыбок-девушек, мечтающих о нем, таком прекрасном принце. И я мечтала. И кто меня осудит за то, что я хотела любви?

Скажи еще — пусть первым бросит в меня камень тот, кто никогда не хотел тепла, ласки и нежности. Иди, найди Кея, устрой ему... Убей его! Ведь мне так больно.

Я знаю.

Когда-то давно, много лет назад, я услышала красивую и грустную китайскую легенду о Красной Нити Судьбы, которая гласит, что у каждого есть своя вторая половинка. С нею мы связаны невидимой Красной Нитью. Нить эта находится на щиколотке, хотя японцы говорят, что на мизинце. Если однажды эти половинки встретятся — они никогда не смогут больше расстаться, и преграды перед ними падут. Те, кого соединила Красная Нить, — уже не смогут друг без друга, потому что вместе они единое целое. Я поверила в эту легенду и со всей нежностью, на какую только была способна, ждала того, кто соединен этой Нитью только со мной.

Глупая Катя, бессмысленная нитка, идиотская легенда.
— Почему я? Скажи мне? Я обидела тебя? — шептала я.

Антон, ну как ты мог? Я верила тебе, ты был такой... такой мягкий и милый, понимающий и надежный. Получается, тебя и нет вовсе?

Кей, я не знаю твоего настоящего имени, но хочу сказать тебе, что ты просто свинья. Думаешь, я — забитое существо, потерявшееся в тени своей великолепной подруги? Или глупая и наивная дура, которую можно дергать за веревочки?

Вот так вместо красивой Красной Нити Судьбы на мизинце я нашла марионеточные нити, опутавшие меня тонкими змейками. Что ж, такова жизнь.

Головокружение оставило меня, оцепенение прошло так же неожиданно, как и набросилось. И я сделала первый шаг. Нет, не к двери — к его кровати. Руки стали тяжелыми — так сильно захотелось мне этими руками порвать, ударить, разрушить хоть что-то.

Дальнейшее происходило в тумане, и я плохо понимала, что творю, а останавливаться мне совсем не хотелось.

Я перевернула стул. Разодрала надвое журнал. Сломала ручки и карандаш. Схватила блокнот и, удивляясь, что мои руки все же такие сильные, принялась рвать его на мелкие кусочки с небывалой легкостью — даже его твердую обложку. Полминуты — и пол был усеян бумагой, которая совсем недавно хранила в себе поэтические изыскания и глубокие лирические переживания подлеца Кея.

Потом пострадала кровать. Я со всей силы колотила упругие подушки, даже кусала их, бросала их на пол, молниеносно выдернула покрывало, простыню — и все это полетело вслед за подушками на пол, и я топтала, топтала их, пытаюсь порвать нежную ткань. Но это вандализм у меня получалось плохо, слишком уж прочным был этот мягкий с виду материал. Поэтому я бросила это дело. Зато мой дикий взгляд переместился на небольшую декоративную вазу, и она тут же полетела на пол, но не разбилась, что дико разозлило меня. Кинув ее еще раз для порядка, я принялась ломать жесткие стебли странных искусственных цветов, которые поддавались мне на удивление легко — с печальным хрустом они ломались надвое и летели на пол. Я поняла, что они оказались настоящими, но мне было плевать. Я сильно сжала тонкие лепестки последнего цветка, превращая их в смятую цветную бумагу.

— Ненавижу цветы, — вырвался из моего горла тихий злой рык. Ненависть, прочно поселившаяся во мне, не давала адекватно воспринимать действительность.

Легким движением я смахнула висевшую на стене картину в металлической раме, оцарапав при этом ладонь, но совершенно не чувствуя боли.

Я увидела пульт — он возлежал на круглой тумбочке-столике. Дрожащими руками я взяла его и кинула в стену, не понимая, что творю в чужой квартире, — демон внутри был таким яростным, что я перестала воспринимать реальность адекватно. Пульт ударился о стену, тихонько запищал, и тут же в противоположной стене сами собой открылись плавающие двери, ведущие в гардеробную.

— Чертов мажор, сколько вещей, — прошипела я, чувствуя сосущую пустоту в сердце, и мои руки сами по себе стали выбрасывать аккуратно висевшие вещи Антона-Кея, сметали с полок все, на что натыкался мой взгляд. Перед глазами стояла туманная пелена.

Одновременно с дверьми отползли вверх жалюзи, добродушно покачиваясь и обнажая окно, за которым было уже темно. Я схватила тяжелый рюкзак Антона и кинула его в окно со всей силы, надеясь, что оно разобьется, но окно выдержало. И только глухой звук, переполненный обидой за то, что его, невинное стекло, пытается разбить какая-то помешанная, говорил о том, что я попыталась сделать.

Я отерла непонятно откуда выступивший пот на лбу и дерзко дернула ручку окна на себя, рывком открывая его и вдыхая до боли в легких свежий воздух. Как я не выпрыгнула оттуда — ума не приложу. Наверное, инстинкт самосохранения, самый древний из всех, пустил в мои гены крепкие корни. Зато я увидела случайно ту самую злополучную серебряную цепочку с камнем, по которой опознала в Тропинине уroda Кея, и подобрала ее с пола. Ласково-ласково поглаживая холодный и переливающийся слабыми бликами камень, я прошептала:

— Спасибо за подсказку, мой милый друг. Спасибо за все и прощай. Мне было так хорошо. — Не договорив, я выкинула проклятый голубой камень в темно-синий проем окна с каким-то демонским смешком.

Если не получается разбить уродские окна — разобью плафоны, которые раньше не попадали в поле моего зрения. Они висят так притягательно близко от моих напряженных рук, утонченные и такие хрупкие.

Ненавижу вас и вашего хозяина-ублюдка!

— Подонок! — не узнала я собственный голос.

С этими мыслями я попыталась сбить светильники руками, чувствуя, как зашкаливают удары сердца. Эффекта не было — один, самый маленький, только немного треснул, а остальные все так же висели. Оглядевшись, я схватила ту самую небьющуюся вазу и ею шарахнула по модным светильникам.

Их звон, напоминающий тонкий стон раненого, обрадовал меня. Падайте, светящиеся твари! Нет больше света! И не надо! Мне ничего не надо.

Осколки безжизненно посыпались на пол. Один плафон причудливой формы, второй, третий, еще один...

И мне было безразлично, что в доме Кей и его мать. И что они наверняка слышат то, что я делаю. Если я увижу сейчас эту тетку с низким голосом или ее наглого сыночка, я наброшусь на них обоих. Я убью их. Убью любого, кто окажется у меня на пути. И пусть они молятся Богу, что я сейчас в комнате одна! Не слышат того, что я здесь делаю, — им же лучше, ведь я и выйти могу! Покажу себя во всей красе.

— Твари, — хрипло выдохнула я, кидая так кстати подвернувшийся флакон с одеколоном в ту же стену. Комнату тут же заполнил противный терпкий запах.

Я каким-то чудом сорвала с разноуровневого потолка свисающий шар-светильник, и он тоже разлетелся на сотни осколков, лишь едва соприкоснувшись с прохладным полом.

Я тяжело дышала и не могла оставаться на месте, ничего не делая больше двух секунд, хотя времени не замечала.

Хрустальная статуэтка на подоконнике? Лети туда же, вслед за камнем, в окно! Альбом с фотографиями, который вывалился из перевернутого столика-тумбочки и был заботливо мною поднят? Туда же, все туда же! Взятая невесть откуда мягкая игрушка в виде розового динозаврика с сердечком в руках? И ты проваливай в темноту!

И ты, Кей, тварь, отправишься туда же...

Как эти падающие фото, которые я даже не успела посмотреть, — я просто вытаскивала их из альбома и рвала на две части.

Выйди, найди его, вцепись ему в горло, докажи ему, что ты сильнее его.

Да. Я... Я это сделаю...

Молча, совершенно молча, только лишь крепко сцепив зубы, так, что казалось, будто они начнут крошиться, я разбивала и кидала все, до чего могли дотянуться мои руки, не ощущая времени и не осознавая, что же я творю, просто отдавая себя во власть цепкому чувству абсолютной ненависти.

А потом всего лишь за одну секунду я пришла в себя. И на меня навалилась такая усталость, что, сделав пару неуверенных шагов, я медленно опустилась на колени посередине комнаты.

Оглядывая весь этот разгром, я почти не помнила, сколько времени бесилась. И как я это делала. И почему я это делала — тоже. А что теперь будет, мне было совершенно безразлично. Я негнушимися пальцами взяла с пола маленький полупрозрачный матовый шарик, еще недавно украшавший один из плафонов, но он выпал из рук.

Почему я? Ну что я им... ему сделала?

Все равно... просто хочется спать. Нужно всего лишь прикрыть глаза, и все.

Если бы какой-нибудь писатель-постмодернист захотел описать мое состояние, используя прием «по-

ток мыслей», то, вероятно, он ограничился бы следующими словами: «Злость, злость, злость, ярость, и снова злость, обида, вспышка ненависти, еще злость, и еще, и еще... Ненависть. И все из-за чего? Из-за любви? Злость, ярость, ярость, обида, оскорбление, жестокость... Вспышка новой ярости... Усталость. И никакого удовлетворения».

Его коллега, придерживающийся более традиционных взглядов на литературу, реалист, к примеру, задумчиво вывел бы следующие строки: «Она не знала, что делала, не понимала, к чему приведут все эти ее действия, не контролировала себя, да и не хотела делать этого. Почему же причиной ее внезапной агрессии стали вещи? Может быть, подсознательно она боялась, что он войдет в комнату и тогда она сможет причинить вред любимому существу?»

Психолог бы внимательно оглядел меня и сказал просто: «Состояние физиологического аффекта».

Я не помнила, как долго резвилась таким образом. Просто знала, что сижу на полу, на коленях, обхватив голову руками, а правой ногой было как-то дискомфортно и немного мокро, как будто колено я опустила во что-то теплое и вязкое. И повсюду витал запах одеколона с каким-то металлическим знакомым привкусом.

Голова кружилась, сил не было, и не хотелось шевелиться. На меня накатила слабость как после пробега марафонской дистанции. Теперь я понимала Филиппида, того самого, кто пробежал эту дистанцию давным-давно в Древней Греции. Только он преодолел тяжелые километры, чтобы сообщить Афинам о долгожданной победе, а мой марафон закончился бесславно. Я так и не нашла своей второй половинки, в поисках которой все бежала и бежала, даже не осознавая этого.

Слабость накатила новой прохладной волной.

Может быть, я его любила.

Дверь открылась внезапно, так, будто ее ударили ногой, а не открыли рукой, как полагается воспитанным людям, и на пороге появился Антон. Он так и застыл в проеме, сжав одну из рук в кулак и прижав к груди, с немой ужасом взирая на меня и на кошмарный беспорядок, совсем не подходящий его комнате. Вместе с ним в комнату ворвался и свет, яркий и ослепляющий. Парень коснулся выключателя, нерешительно шагнул впе-

ред, раздумав быть второй статуей в этой комнате, но потом вновь остановился. Он ничего не говорил, но его взгляд был подобен всем тем взглядам, которыми жалостливые личности награждают слабых раненых животных, истекающих кровью, но не смеющих от страха перед людьми не подать ни звука.

Молчание хрусталем, таким новым матовым плафоном, повисло над нами. Общая нерешительность окутала нас сияющей светло-серой сетью. Мне было больно, но на миг я подумала, что и Антон... нет, Кей, тоже чувствует боль.

Я думала, что молчание будет долгим, ведь вид у парня был таким потрясенным, словно здесь сидела не одна я, а пировали два десятка привидений, часть из которых играла в развеселом сводном оркестре «Кладбищенские истории», где я была дирижером.

Я тихо, приглушенно рассмеялась, чувствуя себя актрисой.

— Катя! Катя, ты что? — закричал Антон наконец.

«Катя, ты что!» — передразнивая, пропищал ехидно в моей голове внутренний голос, не желая отпускать руку довольной Ярости.

— Что случилось? Что?!

Вот же орет! Не думала, что у Антона такой громкий голос. Да, он достаточно громкий у Мистера Совершенство по имени Кей.

Кричит... Наверное, ему очень не понравился беспорядок в комнате. Еще бы, я бы тоже не была от такого варварства в восторге.

— Катя! — его чересчур громкий голос эхом отозвался в моей голове. Я поморщилась. — Катя! Катя, ты меня слышишь?

Нет, я оглохла, ослепла и отупела. Козел, какой же ты козел. Придурок. Ненормальный ублюдок. У тебя ведь проблемы с психикой, не так ли? Или ты принадлежишь к некой новой разновидности извращенцев?

Я подняла на блондина все еще злой и уже беспомощный взгляд, но промолчала. У меня почти не было сил, чтобы вставать, так зачем же я буду говорить? Этот мерзавец недостоин, чтобы с ним разговаривали. Едва только я подумала это, как мой рот сам собой открылся, и я едва ли не прорычала:

— Кей... Кей. Ненавижу.

— Что ты сказала? — тихо-тихо, так, что я с трудом расслышала, спросил он.

— Ненавижу, — с придыханием сообщила я.

— Что? — парень все еще разглядывал меня. — Что ты говоришь? Катя, ты в порядке?

И он медленно стал подходить ко мне, осторожно, боясь спугнуть.

— Ты — Кей, — выдавила я, внимательно следя за его движениями.

— Солнышко, что с тобой? — его глаза расширились. Какой виртуозный актер!

И солнышко твое погасло, чтобы возродиться не ясным и золотистым кругом, а серебряным и мрачным — луной.

— Не смей меня так называть, — прошипела я.

— Катя... — Он вновь замер. — Что ты несешь?

— Что несу? Ты ведь все сам знаешь. А я до последнего надеялась, когда увидела кулон, что вас двое. Двое! — и, к своему ужасу, я засмеялась, как последняя истеричка. А я ведь всегда презрительно относилась к ним, а теперь сама нахожусь в истерике и не знаю, что делать.

— Катя, ты о чем? — как-то жалобно и безнадежно спросил этот предатель, понимая, видимо, что его вопрос звучит не просто глупо, а наигранно глупо.

— Ты — это он! — выкрикнула я сквозь беспричинный смех, некрасивый и совсем не подходящий для девушки. Ну и пусть мой смех не похож на милое щебетание Алины! Я такая, какая есть, и ты этого не исправишь, подлый... подлая тварь. Жаль, что злость пропадает, я бы устроила много чего дельного в этой комнатке богатенького мальчика, решившего развлечься за чужой счет.

— Кто — он? Кто? — все-таки подошел ко мне совсем близко Антон, настороженно глядя то на меня, то на разбитые плафоны. — Что с тобой? Что случилось? Катенька?

— Я не Катенька, — пьяным голосом ответила я.

— Что с тобой? Зачем ты это сделала? — сжал виски ладонями Кей-Антон. В голосе его была если не паника, то растерянность — точно.

— Ты еще... еще будешь спра-спрашивать, что случи-... чилось? — Я поняла, что не могу контролиро-

